

ИБРАГИМБЕКОВ МАКСУД КРЫСЫ

Игра шла вяло. Перед каждым из игроков лежало по равной кучке разноцветных фишек, несмотря на то, что шел третий час игры. За столом сидело четыре человека, не больше и не меньше, как и полагается в классическом покере. Все четверо были пассажирами "Тускароры", трансокеанской громадины, делающей свой очередной рейс из Европы в Австралию. Познакомились они на лайнере и уже вечером того же дня засели за столик в дальнем углу малого салона, иногда равнодушно поглядывая на тени танцующих в соседнем зале.

Они не были похожи друг на друга, эти игроки. Старшему, низкого роста полному человеку в хорошо сшитом сером костюме, было лет под пятьдесят. По некоторым признакам можно было догадаться, что он бывший моряк. В пользу этого предположения говорил и "кепстен", которым он время от времени набивал трубку, и характерная походка и чисто профессиональные морские термины, иногда проскальзывающие в его речи.

Второй игрок - молодой, болезненного вида человек - испуганно смотрел себе в карты. Каждый раз, как у него складывалась удачная комбинация, пальцы его начинали нервно перебирать фишки.

- Вам надо играть в маске, - проворчал первый игрок, - Я по выражению вашего лица догадываюсь, какая у вас карта.

Сидящий слева от него игрок снисходительно улыбнулся.

Он тасовал карты. По тому, как этот человек быстро раздал карты, ловко попадая картой на карту, по его непроницаемому лицу можно было догадаться, что это настоящий игрок.

Игрок, волнение которого выдается только числом выкуренных сигарет. Курил он беспрерывно, зажигая сигарету от сигареты.

Рядом с ними четвертый выглядел контрастом. Это был высокий, хорошо сложенный парень, играющий с совершенно безразличным видом. Чувствовалось, что ему и впрямь все равно, у кого окажутся в конце игры все эти фишки, под которые собраны деньги в ящик из-под сигар. Он только морщился, когда его начинали особенно старательно обкуривать дымящие соседи.

И вдруг наступило то напряжение, с которого начинается крупная игра. Три раза по кругу все игроки увеличили банк и никто не вышел из игры. После смены карт, когда моряк и парень, похожий на спортсмена, отказались от прикупа, начался тот покер, который снискал ему славу самой азартной карточной игры.

- Десять, - робко сказал худосочный молодой человек, и пальцы его дрогнули.

- Отвечаю на ваши десять и плюс двести, - сказал человек, искусно сдающий карты.

Моряк, не задумываясь, увеличил ставку еще на пятьсот.

- Уравниваю, - сказал парень, похожий на спортсмена.

Он ничего не прибавил.

Еще раз все увеличили ставку. Теперь посреди стола возвышалась целая груда фишек. Это был очень большой банк.

Первым не выдержали нервы у человека с дрожащими пальцами. Он вышел из игры. За ним вышел другой, смекнувший, что у моряка и спортсмена крупная карта. Интуиция игрока его не обманула.

- Двести, - сказал моряк.

- Уравниваю, - сказал его противник.

- Прибавить к ставке не хотите? - разочарованно спросил моряк.

- Нет, - сказал спортсмен. - Что у вас?

- Каре! Четыре туза, - сказал моряк, показывая карты, и подгреб к себе груду фишек. - У меня флеш-рояль, - спокойно сказал спортсмен и посмотрел на моряка. - Червовая флеш-рояль.

- Не может быть! - вырвалось у моряка. Он растерянно перебирал карты противника.

Это действительно была великолепная червовая флеш-рояль, пять карт подряд одной масти, от девятки до короля.

- Поразительно, - сказал побагровевший моряк. - Тридцать лет играю в покер и только второй раз вижу, чтобы каре тузов нарвалось на флеш-рояль.

Спортсмен собрал фишки и сложил их аккуратными столбиками. Теперь почти ни перед кем фишек не оставалось.

Этот банк поглотил все.

Моряк не мог успокоиться.

- Почему же вы не увеличивали ставку? Я со своим дурацким каре рубился бы с вами до конца. Вы бы могли меня до нитки раздеть.

- Зачем?

- Так вы ничего в жизни не добьетесь, - строго сказал моряк. - Нельзя упускать счастливого случая. Кто его знает, когда он еще подвернется. Нельзя искушать судьбу.

Спортсмен улыбнулся. У него была хорошая детская улыбка.

- Вы, наверно, правы, - сказал он. - Я даже уверен, что так око и есть, но я иногда изменяю этому правилу.

- Зря,--сказал моряк. - Когда-нибудь пожалеете.

Танцы в соседнем зале прекратились. Салон наполнился людьми. Стюарды разносили между столиками бутылки.

- Нет, - сказал моряк, - в такой обстановке в покер играть нельзя. На сегодня хватит.

За соседним столом вдруг пронзительно закричала женщина. Она показывала на портьеру; - Крыса! Я видела там крысу!

Один из стюардов бросился к портьеру. За ней сидел серый котенок, принадлежавший, должно быть, кому-то из корабельной прислуги.

- Боже мой, - содрогнувшись всем телом, сказала женщина.- Я подумала, что это крыса.

- На "Тускароре" крыс не бывает, - с достоинством сказал стюард.

- Меня бы только успокоило, если бы это была крыса, проворчал моряк.

- Вы их любите? - спросил спортсмен.

- Любить - не то слово, - сказал моряк. - Просто спокойнее, когда на корабле крысы. Они поразительно чувствуют, когда кораблю угрожает беда. Ни одной на борту не найдешь!

- Странно, - сказал худосочный молодой человек. - Я сам видел моряков, которые ненавидели крыс. Мне как-то пришлось по делам своей конторы плыть на торговом судне по Средиземному морю. Так вот, я видел, как матросы изловили четырех здоровенных крыс и посадили их в клетку на палубе. В клетку им ничего не давали...

- Кроме воды, - со знанием дела вставил моряк.

- Совершенно верно. Воду давали каждый день. Так вот, крысы сидели каждая в своем углу и смотрели друг на друга...

- Молча смотрели друг на друга, - ехидно сказал покерист. - И долго это продолжалось?

- Несколько дней. А потом три крысы бросились на четвертую, более всех ослабевшую, и разорвали ее на части...

- Пикантное зрелище, - пробормотал покерист. - Изысканный вкус у этих матросов.

- Теперь оставалось в клетке три крысы. Три крысы сидели по углам и следили за каждым движением друг друга. Они сожрали вдвоем третью, а потом обе оставшиеся крысы побежали каждая в свой угол и устали друг на друга...

- Уверен, что они недолго так просидели, - сказал покерист.

- Да, - сказал худосочный молодой человек. - Две крысы бросились друг на друга. - Его передернуло. - До сих пор помню, как это происходило. И самая здоровая крыса сожрала свою соседку.

- А что сделали с победительницей? - спросил молчавший до сих пор спортсмен. - Убили ее?

- Нет, - сказал худосочный молодой человек. - Ее выпустили.

- Выпустили? - удивленно воскликнули покерист и спортсмен. - Тогда для чего же?

Рассказчик хотел ответить, но его перебил моряк, с удовольствием попыхвающийся во время рассказа трубкой: - Эта крыса, отведавшая крысиного мяса и победившая трех крыс, больше не станет есть ничего, кроме крыс. Она и истребит всех крыс на том корабле. Я сам проделывал такие штуки, когда был капитаном. Крыса - крысоед - самое верное средство от крыс. Да...

- О чем только не говорят мужчины, стоит им остаться одним, - сказала за соседним столиком мужу какая-то дама. - Эти говорят о крысах.

- Это единственные известные науке существа, которые чувствуют радиоактивное излучение. Ни одно другое животное, в том числе и человек, не чувствует, что находится под облучением, а крысы сразу исчезают из тех мест, где приборами обнаружена радиация, - продолжал рассказчик. Он был явно недоволен, что моряк перебил его и не дал досказать конец истории с корабельными крысами.

- Здорово, -- восхитился покерист. - Никогда не подозревал, что можно так

много знать о крысах. Вы что, специально изучали это дело?

На этот раз собеседник оценил иронию и хмуро посмотрел на покериста.

Моряк отпил немного коньяка и посмотрел сквозь стакан на свет.

- Это такой же "Мартель", как я первый лорд Адмиралтейства,- сказал он. - Я сейчас припомнил поразительную историю, которая приключилась со мной...

- Это тоже связано с крысами? - вежливо спросил покерист.

- Да, именно с крысами. И если вам не интересно...

- Нет, почему же, - торопливо сказал покерист. - Я внимательно слушаю.

- Так вот... Несколько лет назад я был капитаном и владельцем... Послушайте, вам ведь не очень важно знать, как называлось судно? Ага... Я возил все, что мне предлагали, и это приносило мне столько дохода, что я частенько подумывал над тем, что неплохо было бы его немного увеличить. Такого же мнения придерживалась и моя команда. Их было восемнадцать человек, и я до сих пор удивляюсь, как они ухитрились жить на те гроши, что получали у меня. Наверно, единственными довольными существами на корабле были крысы. Их было великое множество, этих тварей, и, судя по их поведению, они чувствовали себя хозяевами корабля. Кок работал на камбузе в сапогах, потому что какая-нибудь вконец обнаглевшая крыса могла вцепиться в ногу, матросы спускались в трюм только с палкой, а в лунные спокойные ночи крысы выходили порезвиться на палубу. Словом, хорошо жилось крысам на этой посудине.

Моряк отпил немного коньяка и, пробормотав: "Хватает же совести у людей называть это пойло коньяком", - продолжал: - Мой приятель работал в страховой компании, и мы решили застраховать мою посудину. Ну, естественно, в компании не знали, что он мой приятель. Застраховали. Я не знаю, на какую сумму страхуют атомные подводные лодки, наверное, на меньшую, чем застраховался я. Приятелю тоже; должно было кое-что перепасть. Утром мы выходили в море, и я договорился с приятелем, что потоплю шхуну, когда до порта назначения останется миль десять. Для команды у меня на борту был вельбот. Вы, наверное, догадываетесь, что об этом знали только я и мой приятель, и не в наших интересах было, чтобы об этом узнал еще кто-нибудь. Так вот, когда я утром подошел к кораблю, я увидел такое, что у меня кровь застыла в жилах. Да и любой моряк на моем месте почувствовал бы себя не лучше. С корабля убегали крысы. Они сбегали по канатам и прыгали на причал прямо с борт? Они выбегали из всех щелей, и скоро на корабле не осталось ни одной крысы. Матросы сидели мрачные. Они сказали, что не выйдут в море, потому что с кораблем должно что-то случиться, - крысы это почувствовали.

Двое матросов и боцман спустились в трюм выяснить, не началась ли течь, остальные сидели сложа руки. Я растерялся, и они это почувствовали. В море мы все-таки вышли - я их уговорил. Остальное было просто. Не стану рассказывать, как я это сделал, но шхуна пошла ко дну, а мы добрались на вельботе до берега. Ну, а потом я получил страховку...

Так вот, говорят: инстинкт. Согласен, что у этих тварей срабатывает инстинкт, когда должен начаться шторм или в трюме начинает прибывать вода,

о которой, мы не знаем. Но о том, что судно пойдет ко дну в ту ночь, знали только я и мой приятель. Каким же образом об этом узнали крысы?

Моряк победоносно посмотрел на собеседников и отхлебнул из стакана. Все сидели молча.

- Мистика какая-то, - наконец сказал болезненный молодой человек. Это, если хотите, даже сверхъестественно.

- Вы уверены, - вежливо улыбаясь, спросил у моряка покерист, - что эта история произошла именно так, как вы рассказали?

- Послушайте, вы, - отодвинув стакан, хмуро сказал моряк. - Мне не нравится ваш тон. Вы, видно, отвыкли от разговора с порядочными людьми.

Спортсмен положил руку на плечо вскочившего покериста.

- Тише, - сказал он, - не надо шуметь, на нас обращают внимание. Я вам верю, - обратился он к моряку. - Вы не представляете, как я вам верю. Никогда и ни во что я так не верил, как в вашу историю. Я знаю кое-что, и поэтому я вам верю. Это случилось со мной...

Покерист хотел спросить, не связано ли и то, что собирается рассказать спортсмен, с крысами, но, посмотрев на его бицепсы, заметные даже под пиджаком, раздумал.

- Черт знает что, - неожиданно засмеялся спортсмен. - Хочешь вдруг рассказать вещи, которые не сказал бы самому близкому человеку... Ну, с чего же начать?

- Начинайте сразу с крыс, вы же о них, наверно, собираетесь рассказать, - не выдержал покерист.

- До крыс мы еще доберемся, - задумчиво сказал спортсмен. - Вы слышали такое имя - Санто ди Чавес? - без всякого перехода спросил он покериста.

- Слышал ли я о Чавесе? - изумился покерист. - Слышал - не то слово, я им просто оглушен. Последний раз - неделю назад. Это имя висело над стадионом, вылетев в воздух из ста тысяч глоток после третьего гола в ворота "Броксов". Вы бы, приятель, спросили что-нибудь посложнее! О Чавесе слышал каждый.

- Постойте, постойте, - вдруг сказал капитан. - И как я вас сразу не узнал? Ваша физиономия так примелькалась, что мне я в голову не пришло, что это вы. Так и казалось, что снова вижу вашу фотографию на коробке конфет или обложке журнала. Так о чем вы хотите рассказать?

Теперь все трое смотрели на футболиста с явным интересом. Даже молодой человек, болезненный вид которого не давал повода заподозрить его в любви к спорту.

- Так вот, - сказал Чавес, - я футболист, и как вы знаете, футболист очень высокого класса. Я играю центральным нападающим в одной из лучших команд мира, моя манера игры изучается в футбольных школах, я самый высокооплачиваемый игрок, получаю столько же, сколько Жан Поль Бельмондо или Альберто Сорди. Мои ноги, каждая в отдельности, застрахованы на огромную сумму. Неправда ли, все это так?

Слушатели согласно закивали головами.

- Я все это читал в газетах, - сказал капитан.

- Хорошо, - сказал футболист. - А теперь я вам должен сказать, что в этом

нет никакой моей заслуги. Понимаете - никакой! И если хотите знать, я, Санто ди Чавес, не намного больше футболист, чем вы, - он кивнул на капитана, - или вы, - на болезненного молодого человека.

- Скромность в такой буйволиной дозе... - пробормотал покерист.

- Все понятно, - сказал капитан. - Вы хотите сказать, что у вас замечательный тренер и вы во многом обязаны ему.

- Нет, - возразил спортсмен. - Мой тренер здесь ни при чем. Если я кому-нибудь обязан, то только крысам.

- Ага, - удовлетворенно сказал покерист, не обращая внимания на оторопевших капитана и его соседа. - Вот и добрались до крыс.

- Должен вас предупредить, - продолжал спортсмен, что вы первые люди, которые узнают об этой истории. И я не советую вам рассказывать ее кому-нибудь, если хотите сохранить репутацию правдивых людей.

- Интересно, как это удастся вам, - пробормотал покерист.

- Я уверен, что вы ни в чем не усомнитесь, - улыбнулся спортсмен. Впрочем, судите сами. Наверное, у каждого из вас есть какие-то воспоминания, связанные с детством. У меня таким воспоминанием был футбол. Первое, что я помню ясно, - это огромный, застывший в напряжении стадион, потом словно взрыв поднимает с мест беснующихся людей - забили гол... и так изо дня в день. На стадион меня водил отец - он работал в тотализаторе. Кроме отца у меня никого не было, потом он умер, оставив мне в наследство крепкое здоровье и неистребимую любовь к футболу. Футболистом я стал с четырнадцати лет. Отец следил за моим физическим воспитанием - с четырех лет я занимался плаванием, а с девяти - баскетболом и греблей.

Отец говорил, что это меня подготовит к футболу. Старик очень хотел, чтобы я стал настоящим футболистом. Он добился, у него были какие-то связи в спортивном мире, чтобы я тренировался у лучшего нашего тренера Гвидо Солеквани.

Впрочем, наверное, Гвидо взял бы меня и без всякой протекции: в свои восемнадцать лет я был идеальным спортсменом.

При росте в метр восемьдесят я весил восемьдесят шесть килограммов и порвал резиновую прокладку на двух спирометрах, прежде чем удалось выяснить, что объем легких у меня больше восьми тысяч. Я пробежал стометровку за десять и четыре и умудрялся выжимать штангу весом в 100 килограммов.

Тогда, как впрочем и сейчас, я не пил, не курил и не знал толком, что такое женщина. У меня была мгновенная реакция и лошадиная выносливость. Словом, я был идеальным сырьем для изготовления футболиста.

Гвидо Солеквани сразу поверил в мое будущее. Он после общей тренировки с командой еще подолгу занимался со мной отдельно. Он сделал все, чтобы я стал настоящим футболистом. Гвидо Солеквани замечательный тренер, и он создал команду, равной которой не было на континенте. Это Гвидо придумал способ отдыха между таймами, когда уставшие, разгоряченные игроки прямо с поля, раздеваясь на ходу, с разбегу плюхались в бассейн с горячей водой. Бассейн был разборный, и Гвидо повсюду возил его с собой.

Через пять минут горячая вода сливалась и заменялась теплой, почти прохладной. Это продолжалось еще пять минут, потом три минуты массажа - и команда снова выбегала на поле такой бодрой, что второй тайм казался разминкой перед настоящей игрой. Этот способ отдыха и еще многое другое Гвидо придумал сам, и команда, которую он тренировал, была лучшей из всех, что мне довелось повидать. Я еще раз повторяю, Гвидо очень в меня верил. Я легко усваивал все, что он мне показывал, никто лучше меня не мог ударом с двадцати метров вогнать мяч в любой верхний угол ворот, никто не умел так финтить, как я, и никто не мог пронести мяч на голове от своих ворот до ворот противника, как это делал я. И, умея делать все это, я не был футболистом. Я не умел играть. Я портил игру всей команде, когда дурачки топтался на поле, не зная, кому отпасовать мяч, я некстати путался в ногах игрока, который вел верный голевой мяч к воротам, я не мог правильно выбрать себе место на поле.

И каждый матч сопровождался улюлюканьем и свистом, а я отправлялся на скамью запасных.

Постепенно эта скамья стала моим постоянным местом, я видел, что Гвидо во мне разочаровывается. Однажды он мне сказал: - Посмотри на вот этого полудохлого парня, который сейчас обрабатывает мяч. Скелет и только, смотреть противно, а играет, как бог. Знаешь, футбол - это как пение, одним удастся, другому не запеть, хоть старайся изо всех сил. Тебе так не кажется?

Нет, мне так не казалось. Я только не понимаю, почему Гвидо не выгнал тогда меня из команды. Может быть, в память покойного отца. Тот при жизни оказывал Гвидо кое-какие услуги на тотализаторе.

Я старался как мог, я лез из кожи, чтобы стать игроком, но ничего не получалось.

Весь ужас моего положения заключался в том, что я ничего не умел, я не получил никакого образования, не имел; профессии. А футбол... как обстояли дела с футболом, вы знаете. Я ждал со дня на день, что наступит конец терпению Гвидо, он меня выгонит. Что я буду делать? Этот вопрос мучил меня днем и ночью. Вот тогда-то, в самое подходящее для этого время, я влюбился. Я полюбил в первый раз, и, кажется, второго не будет.

К столу подошел стюард.

- Что-нибудь угодно?

- Один коньяк, - сказал капитан.

Болезненный молодой человек попросил имбирного пива, а покерист неразбавленного виски.

- стакан холодного молока, - сказал футболист. Он отпил из запотевшего стакана и продолжал: - Я встретил ее на пляже. Ее зовут Ева и она самая красивая женщина на свете. Тогда я этого не знал. Не знал, разумеется, как ее зовут. А остальное заметно сразу, стоит только ее увидеть. Как сегодня помню этот день. Стояла адская жара. Ветра не было, волны лениво облизывали берег, и было слышно, как шипит на песке пена. Я лежал под навесом и с отвращением думал, что через два часа нужно идти на тренировку.

И тут я увидел ее. Она стояла бледная, мокрые волосы спадали ей на плечи. Ее окружили трое, знаете, из тех молодчиков, что все время

околачиваются на пляже, иногда словно невзначай напрягая накачанные гантелями мышцы. Один из них положил ей руку на бедро, и она резким ударом отбросила ее. До меня доносились гнусности, которые они ей говорили.

- Господи, - вдруг с тоской сказала она. – Ну, неужели же никто не даст вам в морду? Неужели не найдется хоть один человек, который захочет это сделать?

Я почувствовал, что это хочется сделать мне. Ничего в жизни я так не хотел. Но этого не хотели три "собеседника" Евы. Они, видимо, привыкли драться втроем.

Ева стояла в стороне, она не кричала, не звала на помощь, она как-то сразу поверила в меня.

Говорят, когда всех троих привезли в больницу, врачи были уверены, что это жертвы автомобильной катастрофы.

Я их видел спустя месяц на том же пляже, теперь они производили впечатление благовоспитанных людей.

В этот день я в первый раз не пошел на тренировку.

А потом наступил вечер, я не буду о нем рассказывать - вечер с Евой, а потом еще много таких же вечеров.

Она иногда приходила на стадион, когда играл я, в эти дни я играл еще хуже.

- Милый, - как-то осторожно сказала Ева, - а не лучше ли тебе бросить все это и заняться чем-нибудь другим?

Бросить! Футбол мне давал возможность жить, а что будет, когда Гвидо выгонит меня из команды?

Еве я тогда ничего не сказал. Мы твердо решили пожениться, а об остальном не хотелось думать. Утром я пошел на тренировку. Гвидо остановил меня перед раздевалкой.

- Не раздевайся, - сказал он. - Мне нужно с тобой поговорить.

Я шел за ним и думал, что все кончено и завтра мне придется на этом же стадионе продавать программы матчей или разносить сигареты и воду.

- Слушай, - сказал Гвидо, когда мы отошли от раздевалки, где нас могли услышать. - У тебя, наверное, было время заметить, что я к тебе хорошо отношусь? Ага. Ну, так вот: я сделал все, что мог, но не моя вина, что из тебя футболиста не получилось и не получится, что бы ты ни делал.

Я сказал, что все правильно, и встал, чтобы уйти. Мне было неприятно оставаться в этом зале, - я еще помнил, с какими надеждами я когда-то сюда пришел.

- Подожди, - сказал Гвидо. - Я неспроста упомянул о том, что хорошо отношусь к тебе. Футболиста из тебя не получилось- это верно, но надо подумать и о том, на что ты будешь жить. У тебя деньги есть?

Я засмеялся.

- Вчера ко мне приходил один человек, - сказал Гвидо. - Я его знаю давно - он ученый. Я видел книги, которые он написал, - какие-то исследования мозга. Он сказал, что давно наблюдает за тобой и спросил, что я о тебе думаю как тренер. Я ему сказал то же, что и тебе. Сказал, что у тебя самые лучшие данные

для футболиста, какие только я видел, и что ты никогда не станешь футболистом - ты бездарен. Извини, что я говорил так резко, но у нас был деловой разговор. Он сказал, что ты ему нужен - для чего, он не сказал, что он будет платить тебе в два раза больше, чем ты получаешь у меня. По-моему, над этим стоит подумать. Он оставил мне адрес.

Вечером я отправился к этому человеку...

Чавес посмотрел на часы.

- Одиннадцать часов, - сказал он. - Я обычно в это время ложусь спать. Спокойной ночи. Если вам все это интересно- доскажу завтра.

- Так не пойдет, приятель, - запротестовал капитан. - На самом интересном месте вы хотите уйти.

- Прямо Шехерезада, - робко пошутил худощавый молодой человек.

- Шехе... Как? Что это такое? - заинтересовался капитан.

- Ресторан в Неаполе, - быстро сказал покерист. - Может быть, вы сегодня откажетесь от своего режима? - обратился он к футболисту. - Очень хочется дослушать, чем все это кончилось.

- Режим? - сказал Чавес. - У меня уже нет режима. Я продолжаю все делать по привычке. Ну так слушайте. Я пошел по этому адресу. Пошел с Евой. Мы подошли к небольшому двухэтажному особняку на одной из отдаленных от центра тихих улиц. Ева осталась ждать меня в сквере напротив, а я пошел к дому. Я шел, не веря, что из этой затеи получится что-нибудь путное,--я перестал верить в удачу. Мне отворил дверь старик-слуга. В руках он держал садовые ножницы. Он стоял в дверях и вопросительно смотрел на меня. Тогда я, конечно, не мог знать, что отныне наши судьбы - этого старика и моя неразрывно связаны.

Он привел меня в кабинет своего хозяина. Я сказал "кабинет", но, скорее, это была лаборатория. В огромной светлой комнате пахло, как в зверинце. Стояли рядами клетки, а в клетках возились крысы. Я никогда не видел таких здоровенных упитанных крыс. Они прямо лоснились от жира и все разом, прекратив возню и прижавшись к решеткам, уставились на меня.

- Ну, вот и добрались до крыс, - удовлетворенно потер руки покерист.

- Да, - сказал Чавес. - Добрались. Мне было как-то не по себе, и я даже не сразу заметил человека, который возился в углу. Оттуда доносились потрескивания и шорохи, ну как от радиоприемника, когда крутишь ручку настройки.

Я подошел к нему, это был человек лет пятидесяти, с седыми, аккуратно зачесанными на пробор волосами. На нем был хорошо сшитый костюм и модный галстук. А!.. Костюм, галстук, волосы... Тогда я видел только его глаза, равнодушные и в то же время пронизательные. Я сказал, что я Санто ди Чавес и что я пришел потому, что меня послал тренер.

- Знаю, - не дослушав, сказал он. - Садитесь. Я вас много раз видел в игре и на тренировках. Я никогда в жизни не видел такого великолепного мужского тела, как у вас. Солеквани говорит то же самое. Кроме того, он уверен, что вы самый бездарный футболист из всех бездарностей, каких только ему приходилось видеть. Я сказал - тогда я еще хорошо не знал этого человека, -

что никому не позволю разговаривать с собой в таком тоне.

Он засмеялся.

- Ты самолюбив, мальчик, - сказал он, - но это не имеет никакого значения. Итак, перейдем к делу. Солеквани говорил, сколько я тебе буду платить? Тебя это устраивает? Хорошо. Возможно, впоследствии ты будешь получать еще больше. Но - одно условие. Ты не будешь задавать никаких вопросов. Все, что я найду нужным, я тебе расскажу сам. Да! Еще. От того, что здесь будет происходить, тебе никакого вреда не будет.

Я спросил, за что же я буду получать деньги и что я должен делать.

- Ничего, - сказал он. - Ровным счетом ничего. Считай, что ты подопытная собака, крыса, что ты мне нужен для опыта.

Я спросил, для какого опыта.

- Я хочу сделать из тебя великого футболиста, - сказал он.

Он посмотрел на меня, ожидая, что я скажу. А мне нечего было сказать. Все происходящее казалось мне сном. Я машинально сунул в карман деньги, которые он протянул мне. Мои деньги за месяц вперед.

- А теперь начнем, - сказал он. - По ходу я тебе все объясню.

Он отошел в тот угол, где как я предполагал, стоял радиоприемник, и снова включил его.

- Как, по-твоему, - спросил он, - крысам отсюда видно, что делается в коридоре?

Я сказал, что нет. Крысы и вправду не могли видеть коридора. Лаборатория отделялась от него крошечной прихожей.

- Встань в прихожей, - сказал он мне, - и выгляни в коридор.

Я повиновался и увидел в дальнем углу коридора застекленную клетку, в которой сидел большой пушистый кот.

В то же мгновение в лаборатории раздался писк и топот маленьких лапок. Крысы в ужасе металась по клеткам, опрокидывая друг друга.

Он с удовольствием потирал руки.

- Войди в лабораторию, - сказал он.

Я вошел.

Беготня в клетках сразу прекратилась. Крысы, подрагивая, смотрели на меня.

- Выйди в проходную.

Я вышел, и снова в клетках началось столпотворение, которое прекратилось только тогда, когда я вернулся в лабораторию.

- Ты понял? - нетерпеливо спросил он меня.

Я стоял окончательно сбитый с толку.

- Нет, - сказал я, - ничего не понял. Почему эти твари начинают метаться по клетке, стоит мне выйти в прихожую.

- Он не понял! Ты не понял, отчего они беснуются? Да оттого, что они увидели этого КОТА твоими глазами. Все, что сейчас видишь ты, видят и они. Зрительный центр твоего мозга излучает волны, которые принимаются центрами моих крыс. Между тобой и крысами... ну, назовем это радиосвязью, чтобы тебе было понятно, хотя это немножко другое. Теперь ты понял? Нет?

Попытаюсь объяснить. С тобой случалось, - спросил он, - такое: например, тебе хочется запеть какую-нибудь песенку, а в это время ее начинает насвистывать или напевать кто-нибудь, находящийся неподалеку? Причем, нельзя объяснить это чистой случайностью, потому что иногда вспоминаешь что-нибудь совершенно несусветное в это время.

Я припомнил, со мной и впрямь случалось такое.

- Ага, - сказал он. - А не бывало ли, что ты думаешь о чем-нибудь, ведь футболисты тоже думают, а в это время твой собеседник начинает говорить об этом, хоть ты не сказал ему, о чем думаешь.

Это у нас с Евой случалось сплошь и рядом. И я сказал ему об этом.

- Да, - небрежно сказал он. - Это бывает. Существуют люди, у которых это чувство обострено до крайних пределов. Но существуют и люди, которые заинтересовались этим и даже ставят кое-какие опыты. То и дело слышишь, что поставлен новый опыт по угадыванию мыслей или передаче зрительных впечатлений на расстояние. Скажем, из комнаты в комнату или даже дальше. Но все это случайно и не всегда удается.

Ни один из тех ученых, кто даже ухитрился во всех случаях найти какую-то закономерность, не научился этим явлением управлять. Никто, кроме меня. Я выяснил, что мозг испускает волны, которые могут приниматься иногда другим мозгом. Это явление носит очень случайный характер и, повторяю, только у немногих людей. А я научился направлять эти волны от одного мозга к любому другому, по желанию. Это и произошло, когда ты увидел кота, а крысы почувствовали это так, будто увидели его сами. Теперь понял? На сегодня хватит. А завтра приходи с утра. Займемся делом. Ты станешь настоящим футболистом, хоть я и смыслю в футболе столько же, сколько эти крысы в астрономии.

Ева ждала меня в сквере. Я обнял ее и забыл обо всем: о футболе, крысах и даже о деньгах, что лежали у меня в кармане. Я целовал Еву, и мне совсем не хочется рассказывать, как это было чудесно.

Утром мне открыл тот же старик-слуга. Так же, как и вчера, я прошел в лабораторию.

Он сидел на корточках у клетки и кормил крыс.

- Это глупость, - сказал он мне, - когда утверждают, что самые умные животные - собака, лошадь или обезьяна; вот эти вот зверюшки - самые хитрые животные на свете.

Потом он с ног до головы оглядел меня.

- Надо следить за внешностью, молодой человек, - недовольно сказал он. - Будущая знаменитость не должна ходить небритым.

Потом он принялся растолковывать мне суть своей затеи.

Он сказал, что предстоит проделать первый сложный опыт, в котором будут участвовать только люди. Я только никак не мог понять, какое отношение имеет все сказанное к тому, что я стану футболистом.

Он кончил кормить крыс в одной клетке и стал мыть руки, не обращая внимания на голодный писк некормленных крыс в остальных клетках.

- Сейчас мы проделаем еще один маленький опыт, - сказал он, - а потом

поговорим о главном. Ты пока посиди, досмотри газету.

Я сел за стол, а он, отойдя в угол, щелкнул выключателем. Раздалось тихое гудение, изредка прерываемое шорохами. Внезапно я почувствовал страшный голод, такой, как будто я не ел по крайней мере два дня. Полчаса назад я плотно позавтракал и минуту назад и не помышлял о еде, а теперь у меня от голода стягивало желудок.

Он подошел ко мне.

- Что ты чувствуешь? - спросил он.

Я сказал, что я чувствую, и попросил позволения уйти, чтобы где-нибудь проглотить дюжину бифштексов, меньшее количество меня бы не устроило.

- Значит, ты голоден? - участливо спросил он. - Ну что ж, иди, поешь, если хочешь. Впрочем, погоди, - сказал он, довольно улыбаясь. - Может быть, удастся помочь тебе прямо здесь, в лаборатории.

Он отошел в угол и снова чем-то щелкнул, и внезапно я почувствовал, что сыт. Ощущение сытости переполняло меня, как будто я только встал из-за обеденного стола. Я стоял и старался понять происходящее со мной.

- Понял? - весело сказал он. - Нет? Все приходится тебе объяснять. Это же очень просто. Вначале я установил связь от мозга некормленных со вчерашнего дня крыс к твоему мозгу, и ты почувствовал страшный голод, а потом я установил связь между только что накормленными крысами и... Ты уже не хочешь есть?

Потом он установил связь от меня к голодным крысам, и они, сразу же прекратив голодный писк, напились и разлеглись вокруг поилки.

Я не мог прийти в себя от изумления. Он взял меня под Руку.

- Пошли. Я тебя кое с кем познакомлю.

Мы вышли во двор его дома. Там я снова увидел старика-слугу. Он стриг газон.

- Видишь этого садовника? - спросил он у меня. - Это Джузеппе Ризи. Слышал о таком футболисте?

Еще бы! Кто из футболистов не слышал о Ризи. О нем рассказывали легенды. Самая большая похвала футболисту - это сказать о нем: "Играет, как Ризи". Но Ризи не играет уже лет двадцать, и все, даже мой тренер, были уверены, что он давно умер.

А он, оказывается, работает здесь садовником!

Мы подошли к садовнику. Так я познакомился с Джузеппе Ризи.

Джузеппе стал моим другом. Иногда вечером мы отправлялись гулять втроем: Ева, я и Джузеппе. Он рассказывал нам много интересных историй. Ризи... О Ризи потом.

Итак, он познакомил нас, и мы вернулись втроем в лабораторию.

Изо дня в день мы приходили с Ризи в лабораторию, и через некоторое время между нами была установлена связь, которая не распространялась больше ни на кого.

Наш хозяин был доволен. Я чувствовал то же, что и Ризи, стоило только "подключить" меня к нему.

И, наконец, наступил день, когда все было готово. В этот день хозяин

позвонил к Солеквани.

- Сегодня ваша команда играет с "Чаппарелем". Поставьте центральным нападающим Санто. Не пожалееете.

Я не слышал, что ответил Гвидо. Я думал, что все это означает: "Чаппарель" одна из сильнейших команд, а я не стал за это время играть лучше.

Гвидо согласился.

Мы пришли на стадион за час до игры.

Хозяин занял на стадионе два места - для себя и Джузеппе.

- Будешь играть, мальчик, - сказал он мне. - Будешь играть, как никогда в жизни. Можешь волноваться или нет, это не имеет никакого значения. Ты силен и вынослив. У Джузеппе не было такого тела, как у тебя, даже в его лучшие годы, а у тебя никогда не будет его таланта. Сегодня ты будешь играть, а чувствовать за тебя, распоряжаться твоим телом будет Джузеппе, сидя на трибуне и наблюдая игру. Ты будешь играть так, как сыграл бы на твоём месте Джузеппе Ризи.

Началась игра. Я страшно волновался. И вдруг волнение прошло - я понял, что хозяин включил прибор.

Эту игру все надолго запомнили.

Вначале защита "Чаппареля" не обращала на меня никакого внимания - они знали меня по прошлым играм. Они все вспомнили обо мне, когда я, легко обойдя трех игроков, забил первый гол. И пошло!

Джузеппе следил с трибуны за каждым моим движением и представлял себе мысленно, что бы он сделал на моем месте в такой же ситуации, и это мгновенно передавалось мне. Джузеппе потом сказал, что я играл лучше, чем он в свое время, ведь у меня данные были лучше, чем у него тогда.

Люди на трибунах бесновались, когда я забил второй гол из невероятно трудного положения.

В этот день "Чаппарель" проиграл со счетом, с каким он не проигрывал за все время своего существования.

И так от матча к матчу. Гвидо был вне себя от счастья.

Появились реальные шансы, что его команда станет чемпионом.

Нечего и говорить, как счастливы были мы с Евой. Теперь мы могли пожениться, что мы и сделали, пригласив на свадьбу всю команду и всех подруг Евы. О завтрашнем дне думать нам не приходилось - я зарабатывал бешеные деньги. Все шло хорошо.

У меня изменились привычки. Теперь по вечерам я любил сидеть дома. Ева сердилась, когда ей хотелось пойти погулять, а мне было лень вылезти из кресла. Хозяин подшучивал надо мной, утверждая, что у меня появляются стариковские привычки Джузеппе. Теперь я думаю, что в этом была, доля правды.

Джузеппе приходил к нам. Мы привыкли к этому старику - я и Ева. Может быть, и потому, что ни у кого из нас в целом свете никого не было. Джузеппе иногда говорил, что наконец и у него появилась семья.

Мои дела шли блестяще. Я не буду рассказывать об этом.

О Санто ди Чавесе, лучшем футболисте мира, вы знаете не хуже меня.

Единственное, что омрачало наше благополучие, это здоровье Джузеппе. Старик за последнее время здорово сдал.

Теперь хозяин перед каждым матчем давал ему что-нибудь возбуждающее. Джузеппе не выдерживал напряжения целого матча.

Хозяин на деньги, которые он зарабатывал на мне, купил новый большой дом и оборудовал в нем лабораторию еще лучше прежней. Для крыс он отвел целую комнату.

У меня с Евой в банке тоже рос счет, и мы собирались открыть какое-нибудь свое дело. Словом, все шло хорошо.

Это случилось на финальном матче чемпионата. В этот день мы опоздали на стадион. У Джузеппе было плохо с сердцем. Гвидо звонил раз десять, он умолял меня поторопиться - уже начался первый тайм. Джузеппе лежал на кушетке. У него были серые от боли губы. Наши взгляды встретились. Он улыбнулся мне: "Все будет хорошо, мальчик".

Хозяин наклонился над ним: - Может быть, как-нибудь доедем до стадиона, Джузеппе,- просительно сказал он. - Сегодня финальный матч. Пульс уже выравнивается.

Мы приехали к началу второго тайма.

Наша команда проигрывала со счетом 0:2. Гвидо трясущимися руками помог мне переодеться. Я вышел на поле.

В этот день Джузеппе превзошел себя. Я играл так, как не играл никогда в жизни. После второго гола в ворота "Броксов" зрители повскакали с мест. Говорят, рев со стадиона был слышен за много миль.

А я не останавливался. Я повел мяч между двух защитников "Броксов" и с угла штрафной площадки загнал третий мяч под перекладину.

И вдруг я почувствовал такую тоску... Господи, до сих пор сжимается сердце, когда я вспоминаю об этом. Я весь как-то сразу обмяк и, кажется, сразу догадался, в чем дело.

Я посмотрел на трибуны. Вокруг того места, где обычно сидели хозяин с Джузеппе, столпились люди, они загоразивали от меня Джузеппе, но я знал: когда они разойдутся, я не увижу его сидящим.

Этот матч я кое-как доиграл. Мы стали чемпионами.

На следующий день газеты, захлебываясь от восторга, описывали подробности матча, расписывали подвиги Санто ди Чавеса, вырвавшего победу у "Броксов", а в конце там была и такая фраза: "О напряженности матча свидетельствует и то, что один зритель умер прямо на трибуне от разрыва сердца, не перенеся огорчения после третьего гола в ворота "Броксов".

На похоронах Джузеппе плакала только Ева. Я стоял и думал, и одна мысль не давала мне покоя.

Я пришел к хозяину. Он стоял в лаборатории около клетки с крысами. Когда я вошел, он что-то вытащил щипцами из клетки и бросил в мусорный ящик.

- Восхищаюсь этими тварями, - сказал он мне. - Они чувствуют все без всяких приборов. Неделю назад я поместил в эту клетку крысу с привитой злокачественной опухолью. Ни один прибор не мог бы определить, что эта

крыса больна, она ничем не отличалась от любой здоровой. Опухоль развилась бы месяца через полтора-два. А эти почувствовали, что она обречена и сожрали ее. Все чувствуют. Такую бы остроту чувств человеку!

Я прервал его. Я спросил, сколько бы прожил еще Джузеппе, если бы ему не приходилось "играть" за меня.

- Еще бы лет десять-пятнадцать, - равнодушно сказал хозяин. - Это напряжение ему дорого обошлось. Но ты не огорчайся, мальчик. Жизнь есть жизнь, как говорят французы. В конце концов, Джузеппе ничего впереди хорошего не ждало. А ты не огорчайся. Мы тебе найдем другого безработного знаменитого футболиста...

- И убьем его?!

Он удивленно посмотрел на меня.

- Мне не нравится твой тон!

Я его не ударил.

Я только стукнул ногой по клетке с крысами, которые сидели, притихнув, и будто прислушивались к разговору.

Клетка перевернулась, а я, не оборачиваясь, ушел. Больше хозяина я не видел.

Мы с Евой решили уехать. Еве почему-то хотелось в Австралию, не знаю почему, а мне все равно куда ехать. Вот и все.

За столом воцарилась тишина.

- Интересно, - сказал капитан. - Здорово. Значит, вы больше не будете играть в футбол?

- Нет, - сказал Чавес. - Не буду. Тогда я понял раз и навсегда, что я не крыса, а человек, хоть и надо мной можно делать опыты.

- А вы уверены, - сказал капитан, - что никогда не пожалеете об этом?

- Я жалею об этом все время, - резко сказал Чавес, - стоит мне только вспомнить Джузеппе.

- Что вы будет делать в Австралии? - спросил болезненный молодой человек.

- Деньги у нас, есть, - сказал Чавес, - купим какое-нибудь дело.

Покерист хотел что-то спросить, но раздумал. Он нерешительно вертел в руках колоду карт.

В салон вошла красивая молодая женщина.

- Санто, - сказала она, остановившись у стола - извини, я думала, ты заблудился и никак не можешь отыскать нашу каюту.

- Спокойной ночи, - сказал Санто. - Завтра еще поиграем в покер?

- Нет, - сказал капитан, - увольте. С вами играть неинтересно. Просто поговорим.

Санто взял жену под руку и вышел из салона.

- Красивая пара, - сказал им вслед, ни к кому не обращаясь, болезненный молодой человек.

Ему никто не ответил.

Лайнер пришел в Сидней рано утром. Проталкиваясь сквозь толпу пассажиров, стоявшей перед сходнями, к Чавесу подошел покерист.

- Простите. На одну минутку.

Чавес отошел от Евы.

- Послушайте, - сказал покерист. Он оглянулся по сторонам. - Вы мне не дадите адрес?

- Какой адрес? - удивился Чавес.

- Того, - сказал покерист, - вашего хозяина.

Чавес несколько мгновений, как будто изучая, смотрел в лицо покериста, потом медленно по слогам назвал адрес и фамилию хозяина.

- Запомнили?

- Да, - сказал покерист. - Спасибо.

Чавес не заметил протянутой руки.